

«...Певцу надо две жизни иметь»

Лауреат Национальной оперной премии «Онегин» Юрий Девин начал учиться вокалу в 26 лет, не зная... ни нот, ни нотной грамоты

«Урал Опера Балет» отметил 30-летие творческой карьеры ведущего баритона театра заслуженного артиста России Юрия ДЕВИНА. Юбилар по этому поводу пошутил, что вообще-то, помимо вокала, в его послужном списке еще профессий семь: электриком работал, плотником, сантехником, уголек кидал – истопником был. Еще – моторист-матрос. А в медицинском институте на практике «роженницу в больницу отвозил – медбратом спокойно могу работать». Потом лауреат Национальной оперной премии «Онегин» Юрий Девин признался: певцом вообще мог не стать. Судьба решилась... за сорок минут.

Немыслимое счастье – услышать свой голос

– За сорок минут решилась судьба? Где и когда такое могло случиться?

– Студенты-медики ехали на картошку. Пел «Ой, мороз, мороз...», еще какие-то народные песни. И вдруг приятель говорит: да тебе надо в консерваторию, учиться петь. А у меня даже начального музыкального образования нет! Но рискнул, послушался – спел романс, проверили слух, ритм. Поставили три пятёрки, но никаких гарантий никто не давал. А я учебу в медицинском институте с рабфака начал. Прикинул: учиться шесть лет. Про музыку по наивности подумал: за год наберусь знаний в музыкальном училище, потом – в консерваторию. Даже сомнений не возникло. Я же не знал, что могут возникнуть и проблемы.

– Нот не знали, музыкальной грамоты не знали. Только в 26 начали учиться вокалу! Другие в это время дебютируют. Как вы все навести?

– С трудом. В училище со мной мальчишки-девочки сидели: они были после восьмого класса, по 14 лет. А мне шел 26-й. Да, все непросто, себя надо было перебарывать. Случилось, сильно сомневался в себе и выборе: блин, была же серьезная профессия, на что я ее променял? Впервые сомнения возникли, когда потерял голос. Несмысленный звонок. И ощущение было – словно солнце погасло. Состояние тяжелейшее. Тогда и подумал: я же на флоте семь лет был, все серьезно, по-мужски. Да зачем мне это? Я же в вокале – как чистый лист. Музыкальная грамота, сольфеджио – на нуле. Это профессор Николай Николаевич Гольцев, услышав голос, настоял, чтобы мне поставили тройку. Не он бы – меня в консерватории не было бы. А если б не Светлана Васильевна Зализникова – я бы ее не закончил. Правда, как сказал мой одноклассник, я еще был упрямый как баран. Начал привыкать к тому, что болезни преследуют вокалиста всю жизнь. Пианист или скрипач могут сыграть с температурой. А у вокалиста все жестко: здоровья нет – профессии нет.

– И как вы, пытающийся «заскочить в последний вагон», представляли себя в профессии? В театре? Или «пою на эстраде»...

– Только в оперном театре. Хотя... в опере до этого никогда не был. Случалось, слушал оперы дома по телевизору. Мама подойдет: «Юра, тебе что – интересно?» Да! Да! Думаю, что это судьба. От нее трудно уйти. Невозможно передать словами то удовольствие, когда ты чувствуешь звучание голоса.

– Но с чем это можно сравнить? Для тех, кто не поет...

– Это физиологическое удовольствие. Ученые говорят, что на первом месте по эмоциональному влиянию на человека находится музыка и только на втором – любовь. Даже так! А ведь настоящее, большое чувство – тоже редкость. «От счастья любви наворачиваются слезы...» Ну разве так у всех? Мне на 150 процентов повезло с женой: мы с Наташей вместе уже 35 лет. Но (улыбается) удовольствие петь еще круче.

Входной билет в темную комнату

– Однажды вы образно сказали о таланте – «входной билет в темную комнату».

За создание образа Дон Жуана в одноименной опере Моцарта в 2001 году Юрий Девин был удостоен премии областного конкурса «Браво!» в номинации «Лучшая театральная работа»

Войти можно, но неизвестно, что ждет. Голос еще ничего не гарантирует в профессии. А при этом вспомнили Шалапина, который то ли в мемуарах, то ли в частной беседе с современниками сказал: «Певцу надо две жизни иметь. Одну – учиться вокалу, другую – петь»...

– И это говорит гений! Что уж о нас-то, смертных?! Надо учиться изо дня в день, на каждом спектакле, в каждый свой выход на сцену. Другого пути нет. Второй жизни, к сожалению, тоже. Поэтому приходится петь и одновременно учиться. А это сложно. В слесарном деле научился гайки точить – и точишь. А здесь один раз получилась «гайка», а второй (нездоров, например) – она не получается, хоть тресни. Тогда на помощь приходит мастерство, навыки в профессии. Но и тут все время – вверх-вверх, преодолевая очередную ступеньку. Убежден: по горизонтали двигаться не получится. Если не вверх – сразу начнешь движение вниз.

– Но если «все-таки вверх» – как это конкретно в вашей профессии? Собственными занятиями? Прослушиваниями великих?

– Только занятия. Раньше я своих домашних буквально изводил. Говорил жене, например: «Наташа, иди сюда, слушай!» И пропевал варианты одного и того же. И она говорила: вот это лучше, а это – менее выразительно. Мы же слышим внутри своим слухом, а это искаженное представление. Нужно постороннее ухо, особенно на первом этапе. Объективно себя слышать начинаешь только с опытом. Тогда и понимаешь: здесь я правильно делаю, а здесь нет. И хотя много и часто говорят о вокальной школе, мне кажется: сколько певцов – столько и школ. Каждый по-своему приходит к правильному, хорошему звучанию. А кроме голоса, еще много чего надо. Вот в драматическом спектакле Смоктуновский выходил на сцену, а уровень артиста был такой: что ни сделает, какую паузу ни держит – все равно глаз не оторвешь, завораживает... А

у нас нельзя: артист оперы связан музыкой, жестко регламентированным темпом. «Четвертушки», «восьмушки» – все предельно значимо. На сцене мелочей нет.

– Вот-вот, про то и спрашиваю. Про «мелочи», судьбоносные в профессии. Например, вы же как-то говорили, что сценическое волнение надо отличать от страха? Как это можно различить?

– Волнение мобилизует, подстегивает. А страх сковывает. У меня была педагог: прекрасный голос, красавица – вроде все для театра, но она сама говорила: панически боюсь сцены. Это склад характера, который не всем талантам удается преодолеть. Как говорит Светлана Васильевна Зализникова, «у певца все зажатые должны быть в одну сторону: это хорошо, это хорошо и это – голос, ритм, пластика и т. д.» Тем более это же – театр: значит, ты должен существовать не только как певец, но и как актер. Есть певцы с прекрасным голосом, а по сцене как Буратино ходят. Но это же не в филармонии, у роля. В общем, если хочешь одна «запятая» будет не в ту сторону – ничего не получится.

– Умение носить исторический костюм – из этих же «запятых»? Опера – в абсолютном большинстве костюмные спектакли. Вспоминаю: ваш выдающийся коллега Николай Гольцев сетовал, что в «Евгении Онегине» молодые певцы плюхаются на скамейку, не откинув фалды фрака...

– Абсолютно точно! Вот только что на премьере оперы «Черевички» я вышел в образе Светлейшего. Светлейший! Само слово обаявает... Так вот, перед спектаклем беру трость и какое-то время хожу за кулисами «как светлейший» держишь спину, чуть выворотню ставишь ноги. Героя надо почувствовать и физически (как голову поворачивает, как перчатки бросает в снятый цилиндр) – все работает на образ. Если не будет соответствовать ему, времени – возникает неловкость, все ру-

шится. Знаете: если из ста человек хора один начнет чесаться – все внимание будет только на него (так устроен человеческий глаз). А если солист – тем более. У нас в театре 700 человек, все делается ради спектакля, все службы работают ради этого. Но наверху «пирамиды» – солист: если все службы сработали отлично, а «на верхушке» будет нечто среднее – все без толку. Поэтому это еще и огромная ответственность.

– Сейчас оперу стараются петь на языке оригинала. Я даже завидовала оперным певцам: мол, итальянский-то они в силу профессии должны знать, учить не надо. Большинство же опер на итальянском...

– Я был в Италии три раза, пел там в «Траватте», «Чио-Чио-сан», но... Язык усваивается с детства или нужны немалые усилия. У нас Константин Юрьевич Чудовский, главный дирижер, знает, кажется, семь языков. Дочь у меня хорошо знает и английский, и китайский. Остается только по-хорошему заводить. Но... не так все грустно. Мой друг Бруно, директор департамента культуры города Абано-Терме, что недалеко от Венеции, говорит: «Юра, когда ты поешь, я понимаю твой итальянский» (смеется). Фonetика так устроена, что она связана с музыкой.

Герой – злодей, убийца, а поет красиво

– В 2020 году вы получили премию «Онегин» в номинации «Мастер сцены». Признание – вам некуда...

– Сам удивляюсь (смеется).

– При этом неожиданно было услышать от вас однажды: «В репертуаре, в числе других партий Онегин от меня падает».

– Я имел в виду: Онегин как характер. Он холоден, разочарован в жизни, в женщинах. Он снос. Я не снос. Очень люблю смотреть спектакли в Музыкальном, и я благодарный зритель. Могу не то что не заметить, но не придавать значения мелким накладкам, шеро-

хаватостям – знаю, сколько сил, энергии, эмоций затрачивает артист. Я не то что снисходительно, а с пониманием на это смотрю. Но, кстати, если нравится – нравится, а если заезжал... Понимаю: неудобно выходить из зала во время спектакля, но – мучиться не буду.

– Вот теперь вижу: да, Онегин далеко от вас. Вообще, у вас чувство юмора – не оперного певца. Привычно видеть, что они несут себя. Соответственно жанру. Да и сюжеты тут – интриги и кровинка чуть не в каждом спектакле. То отравили, то зарезали...

– Так не меня же! В Музыкальном я пел. Но стремился в оперу. Интересно было, в том числе вокально. Что касается героев, от меня и Фигаро далеко. Я не такой. Мне ближе драматические характеры и судьбы. Прыжой, Яго... Никогда не думал, что буду петь Голландца: это крепкий баритон. А я начинал как баритон лирический. «Онегин», «Севильский цирюльник»... Первый человек, кто сказал мне о Прыжой, был дирижер Бражник. Помню: я даже сопротивлялся – «Евгений Владимирович, я же не драматический баритон!» А он: «В тебе это есть!» Князя Игоря вообще басы высокие поют. Я пою своим голосом, но «металл», который есть в голосе, позволяет. Если убеждаю зрителя – значит, все идет верно. Понимаю, что другим голосом надо петь эту партию, но (улыбается) – чем богаты... Наше искусство еще чем интересно и сложно: в драме если плохой герой, то и в голосе это можно передать, голос изменить. А у нас герой – злодей, убийца, а поет красиво. Ради этого в оперу и идут. Кто-то говорит: «Что самое главное в опере? Голос, голос и голос». Правда, все равно важно понять: почему герой так поет. Второй год преподаю в училище и постоянно говорю ребятам: смотрите внимательно, почему в партитуре так написано – у выдающихся композиторов нет ни одной случайной ноты. Поймешь мотивацию поступков, разберешься в герое, что им движет – роль становится твоей.

– 30 лет вокальной карьеры, а значит, безупречного владения голосом... Какие есть заповеди – писанные-неписанные, ваши-общие – сохранения голоса? Ведь возраст неизбежно поддавливает.

– В консерватории нам говорили: нельзя пить, курить, надо много отдыхать, спать, есть. Прекрасная профессия! Но если серьезно: чтобы наполнить голосом зал, чтобы не потерять в звучании оркестра – столько сил необходимо. Да, режим прежде всего: во время сезона мороженого нельзя, сквозняков избегать, чтобы шея была закрыта. Но главное – правильно петь. Не перестаю восхищаться Лемешевым: после операции он пел без одного легкого. Конечно, уже не спектакли – но как он пел концерты! То же самое Козловский – пел до 90 лет. Снова – физиологически правильное пение. Не удивляйтесь даже слову – «технология». Как штангист поднимает штангу? Без технологии он себя погубит. Техника исполнения – она везде: в спорте, пении, драматическом искусстве. Вы же в журналистике тоже технология знаете. И вот вы же владеете технологией, я же чувствую – ничто не предвещало, а я (смеется) разговорился. И с голосом это важно. Когда правильно поешь – поешь все лучше. Великие пели до последних своих дней.

– Вашим дебютом на сцене был истопник в «Русалке» Даргомыжского, всего две фразы. Можете вспомнить то свое ощущение: вот я впервые на сцене, пою спектакль. И как это отличается от нынешних самоощущений?

– Истопник – это же в студенческие годы. Никакого страха. Только интерес. Сейчас я намного больше умею, но «я теперь скупее стал в желаньях». Евгений написал это, когда ему и 30 лет не было. А он уже скуп в желаньях. Почему? В таких людях очень интенсивна эмоциональная жизнь. Они ненормальные немного. Ну и мы такие же. Это не выгорание даже. С возрастом меняются приоритеты. Сначала хочется много и всего, потом – «скупее в желаньях», приходит избирательность. Удивляюсь на Пласидо Доминго – в таком возрасте продолжает петь, дирижировать да еще по всему миру. Но это великие творцы – они другие и по человеческой природе. Я свой уровень понимаю и свое место в этом мире (смеется). Хотя, да, в «Летучем голландце» испытал этот желанный творческий полет – словно отрываешься от сцены. Случается спазмировать, но бывает – когда все соединяется, сходишь, все получается. Поднимаешься точно на крыльях. Это и называется вдохновением. Да, есть нечто в нашей профессии, что ни с чем не сравнимо.

– В актерском багаже уже более 60 партий, вы – «Мастер сцены». Есть что-то, что еще хотелось бы спеть, какой театральный образ создать?

– Мы зависимы: от репертуара, режиссера-дирижера. Это первое. Второе – все боится спазмировать. Поэтому не скажу. Третье: что день грядущий нам готовит, мы не знаем. Все драматические актеры мечтают сыграть Гамлета. Слышал даже фразу: «Кто не играл Шекспира – тот не настоящий актер». Нет, у нас не так. Я даже не мечтал о Голландце, Князе Игоре или Яго, а они случились. Но я реалист, понимаю: не то чтобы мой поезд ушел, но он уже не в гору. Вот Онегина давно уже не пою и мне его больше не спеть. Все-таки его должна петь молодежь. Но очень бы хотел спеть – вокально по-другому бы сделал. Лучше. Голос летает, кантилена, более выразительные какие-то моменты. У меня же записи есть, я хотя – что было раньше и что возможно теперь. Мастерство другое. Скажу так: я об Онегине еще мечтаю. Но мечта эта уже не может осуществиться.

– Но можно же сделать запись...

– Нет, записи должны делать великие. Я не считаю себя выдающимся певцом. Я неплохой профессионал... Не самый плохой (смеется)...

– Если в дороге, что предпочитаете? Самолет, поезд или пешком?

– Везде – удовольствие. Лишь бы тепло да не дуло. Вообще, дорога – борит!

– Любимое место в театре?

– Гримёрка. Это ж как дом.

– Три вещи, которые вам необходимы были бы на необитаемом острове.

– Вода (пресная, чтобы попить). А в остальном, как говорит герой оперы «Волшебная флейта» птицевод Папагено: «Я человек неприхотливый, я человек простой. Хороший сон, сытная еда, вина немного. И, вот если бы действительно было возможно, хотелось бы в силко поймай такую одну девочку». Ну в смысле – чтоб жена была рядом ☺.

– Песни, которые не устаёте переслушивать?

– Народные песни очень люблю. Оперу даже меньше нравится слушать, а вот народные, когда исполняются от души, да еще прекрасный голос... «Черный ворон» – одна из любимых.

– Верите ли в приметы? Если – да, то в какие?

– Все театральные люди в них верят. Если верю, что-то забыл, то... тут целый набор, как минимизировать неудачу.

– Присказка или пословица, что помогает в тупиковой, проблемной ситуации?

– Я не могу ее произнести вслух (смеется). Но если мягко сказать – надо ко всему относиться попроще. Иногда стоит все отбросить. Ни в какой ситуации не опускать руки. Преодолевать уныние. Может, иногда и за счет крепкого слова.

ДОСЬЕ

ДЕВИН Юрий Андреевич

Родился в 1959 г. в Первоуральске Свердловской области. Окончил Уральскую консерваторию (класс профессора С. Зализника).

- 1991–1993 гг. – солист Свердловского театра музыкальной комедии.
- 1993–1995 гг. – солист Башкирского государственного театра оперы и балета.
- С 1995 года – солист Екатеринбургского театра оперы и балета.

Принимал участие в Международном музыкальном фестивале в Абано-Терме (Италия, 2006), Международном музыкальном фестивале имени Рахманинова в Алма-Аты (Казахстан, 2007), XII Международном фестивале оперного искусства «Шалапинские вечера в Уфе» (2007). С труппой Урал Оперы гастролировал в США, ЮАР, Португалии, Таиланде, Турции, на Тайване.

НАГРАДЫ

- Премия Международного конкурса вокалистов имени Винченцо Беллини (Италия, 1991).
- Национальная оперная премия «Онегин» в номинации «Мастер сцены» (2020).

БЛИЦ-ОПРОС

– Любимое время суток? И почему?
– Вечер после спектакля. Когда все сделано и сделано неплохо. Приходишь домой, отдыхаешь – вот оно, счастье.

– Предпочтения из мира книг?
– Созаюса: раньше больше читал. Я и библиотекарем был во время службы на флоте. Из нынешних приоритетов – Виктор Астафьев: как он за душу берет! Ездил на гастроли в Новосибирск, купил его книгу – за сутки прочел...

– Неисполнившаяся мечта детства?
– Жалею, что не начал заниматься музыкой в пять-семь лет. Все остальное сбылось. Моряком был. В медицинском институте учился. Хотел научиться петь и стать оперным певцом. Стал. Хотел найти человека, единственного, с кем буду всю жизнь. Нашел жену Наташу. Вот на велосипеде не умею. Но могу еще научиться!

– Место, где вы наиболее адекватны самому себе?
– Дома, на даче. Я не знал, что, оказывается, все умею. Если не умею – учусь. Мне это интересно: строю, строю, кровати делаю, столы. Вот лавку в баню надо сделать. Шпифую стены, шпателью забиваю щели. Мне так интересно это. Не меньше, чем петь. В этой работе я отдыхаю: мне как мужику, видимо, не хватает физического труда. Дрова колоть, пилить. Самое главное, чтоб желание было, всему можно научиться.

– Дочь – певица, а есть у вас коронный дуэтный номер? Хотя бы в домашнем застолье?
– У нас жанры разные. Она джаз поет, англоязычные тексты – запеть нам дуэтом сложно.

– Нелюбимая работа по дому?
– Нет такой. Я все люблю и умею. Но жена мне, например, не дает посуду мыть. Говорит: «Плохо моешь». Зато я готовлю.

– Сложная партия, драматический образ... По окончании спектакля за какое время выходите из образа?

– За кулисы вышел – и всё. Кто и на поклонах не может выйти из образа – это уж патология (смеется).

– Если в дороге, что предпочитаете? Самолет, поезд или пешком?
– Везде – удовольствие. Лишь бы тепло да не дуло. Вообще, дорога – борит!

– Любимое место в театре?
– Гримёрка. Это ж как дом.

– Три вещи, которые вам необходимы были бы на необитаемом острове.
– Вода (пресная, чтобы попить). А в остальном, как говорит герой оперы «Волшебная флейта» птицевод Папагено: «Я человек неприхотливый, я человек простой. Хороший сон, сытная еда, вина немного. И, вот если бы действительно было возможно, хотелось бы в силко поймай такую одну девочку». Ну в смысле – чтоб жена была рядом ☺.

– Песни, которые не устаёте переслушивать?
– Народные песни очень люблю. Оперу даже меньше нравится слушать, а вот народные, когда исполняются от души, да еще прекрасный голос... «Черный ворон» – одна из любимых.

– Верите ли в приметы? Если – да, то в какие?

– Все театральные люди в них верят. Если верю, что-то забыл, то... тут целый набор, как минимизировать неудачу.

– Присказка или пословица, что помогает в тупиковой, проблемной ситуации?
– Я не могу ее произнести вслух (смеется). Но если мягко сказать – надо ко всему относиться попроще. Иногда стоит все отбросить. Ни в какой ситуации не опускать руки. Преодолевать уныние. Может, иногда и за счет крепкого слова.

– Любимое время суток? И почему?
– Вечер после спектакля. Когда все сделано и сделано неплохо. Приходишь домой, отдыхаешь – вот оно, счастье.

– Предпочтения из мира книг?
– Созаюса: раньше больше читал. Я и библиотекарем был во время службы на флоте. Из нынешних приоритетов – Виктор Астафьев: как он за душу берет! Ездил на гастроли в Новосибирск, купил его книгу – за сутки прочел...

– Неисполнившаяся мечта детства?
– Жалею, что не начал заниматься музыкой в пять-семь лет. Все остальное сбылось. Моряком был. В медицинском институте учился. Хотел научиться петь и стать оперным певцом. Стал. Хотел найти человека, единственного, с кем буду всю жизнь. Нашел жену Наташу. Вот на велосипеде не умею. Но могу еще научиться!

– Место, где вы наиболее адекватны самому себе?
– Дома, на даче. Я не знал, что, оказывается, все умею. Если не умею – учусь. Мне это интересно: строю, строю, кровати делаю, столы. Вот лавку в баню надо сделать. Шпифую стены, шпателью забиваю щели. Мне так интересно это. Не меньше, чем петь. В этой работе я отдыхаю: мне как мужику, видимо, не хватает физического труда. Дрова колоть, пилить. Самое главное, чтоб желание было, всему можно научиться.

– Дочь – певица, а есть у вас коронный дуэтный номер? Хотя бы в домашнем застолье?
– У нас жанры разные. Она джаз поет, англоязычные тексты – запеть нам дуэтом сложно.

– Нелюбимая работа по дому?
– Нет такой. Я все люблю и умею. Но жена мне, например, не дает посуду мыть. Говорит: «Плохо моешь». Зато я готовлю.

– Сложная партия, драматический образ... По окончании спектакля за какое время выходите из образа?
– За кулисы вышел – и всё. Кто и на поклонах не может выйти из образа – это уж патология (смеется).

– Если в дороге, что предпочитаете? Самолет, поезд или пешком?
– Везде – удовольствие. Лишь бы тепло да не дуло. Вообще, дорога – борит!

– Любимое место в театре?
– Гримёрка. Это ж как дом.

– Три вещи, которые вам необходимы были бы на необитаемом острове.
– Вода (пресная, чтобы попить). А в остальном, как говорит герой оперы «Волшебная флейта» птицевод Папагено: «Я человек неприхотливый, я человек простой. Хороший сон, сытная еда, вина немного. И, вот если бы действительно было возможно, хотелось бы в силко поймай такую одну девочку». Ну в смысле – чтоб жена была рядом ☺.

– Песни, которые не устаёте переслушивать?
– Народные песни очень люблю. Оперу даже меньше нравится слушать, а вот народные, когда исполняются от души, да еще прекрасный голос... «Черный ворон» – одна из любимых.

– Верите ли в приметы? Если – да, то в какие?
– Все театральные люди в них верят. Если верю, что-то забыл, то... тут целый набор, как минимизировать неудачу.

– Присказка или пословица, что помогает в тупиковой, проблемной ситуации?
– Я не могу ее произнести вслух (смеется). Но если мягко сказать – надо ко всему относиться попроще. Иногда стоит все отбросить. Ни в какой ситуации не опускать руки. Преодолевать уныние. Может, иногда и за счет крепкого слова.

– Любимое время суток? И почему?
– Вечер после спектакля. Когда все сделано и сделано неплохо. Приходишь домой, отдыхаешь – вот оно, счастье.

– Предпочтения из мира книг?
– Созаюса: раньше больше читал. Я и библиотекарем был во время службы на флоте. Из нынешних приоритетов – Виктор Астафьев: как он за душу берет! Ездил на гастроли в Новосибирск, купил его книгу – за сутки прочел...

– Неисполнившаяся мечта детства?
– Жалею, что не начал заниматься музыкой в пять-семь лет. Все остальное сбылось. Моряком был. В медицинском институте учился. Хотел научиться петь и стать оперным певцом. Стал. Хотел найти человека, единственного, с кем буду всю жизнь. Нашел жену Наташу. Вот на велосипеде не умею. Но могу еще научиться!

– Место, где вы наиболее адекватны самому себе?
– Дома, на даче. Я не знал, что, оказывается, все умею. Если не умею – учусь. Мне это интересно: строю, строю, кровати делаю, столы. Вот лавку в баню надо сделать. Шпифую стены, шпателью забиваю щели. Мне так интересно это. Не меньше, чем петь. В этой работе я отдыхаю: мне как мужику, видимо, не хватает физического труда. Дрова колоть, пилить. Самое главное, чтоб желание было, всему можно научиться.

– Дочь – певица, а есть у вас коронный дуэтный номер? Хотя бы в домашнем застолье?
– У нас жанры разные. Она джаз поет, англоязычные тексты – запеть нам дуэтом сложно.

– Нелюбимая работа по дому?
– Нет такой. Я все люблю и умею. Но жена мне, например, не дает посуду мыть. Говорит: «Плохо моешь». Зато я готовлю.

– Сложная партия, драматический образ... По окончании спектакля за какое время выходите из образа?
– За кулисы вышел – и всё. Кто и на поклонах не может выйти из образа – это уж патология (смеется).

– Если в дороге, что предпочитаете? Самолет, поезд или пешком?
– Везде – удовольствие. Лишь бы тепло да не дуло. Вообще, дорога – борит!

– Любимое место в театре?
– Гримёрка. Это ж как дом.

– Три вещи, которые вам необходимы были бы на необитаемом острове.
– Вода (пресная, чтобы попить). А в остальном, как говорит герой оперы «Волшебная флейта» птицевод Папагено: «Я человек неприхотливый, я человек простой. Хороший сон, сытная еда, вина немного. И, вот если бы действительно было возможно, хотелось бы в силко поймай такую одну девочку». Ну в смысле – чтоб жена была рядом ☺.

– Песни, которые не устаёте переслушивать?
– Народные песни очень люблю. Оперу даже меньше нравится слушать, а вот народные, когда исполняются от души, да еще прекрасный голос... «Черный ворон» – одна из любимых.

– Верите ли в приметы? Если – да, то в какие?
– Все театральные люди в них верят. Если верю, что-то забыл, то... тут целый набор, как минимизировать неудачу.

– Присказка или пословица, что помогает в тупиковой, проблемной ситуации?
– Я не могу ее произнести вслух (смеется). Но если мягко сказать – надо ко всему относиться попроще. Иногда стоит все отбросить. Ни в какой ситуации не опускать руки. Преодолевать уныние. Может, иногда и за счет крепкого слова.

– Любимое время суток? И почему?
– Вечер после спектакля. Когда все сделано и сделано неплохо. Приходишь домой, отдыхаешь – вот оно, счастье.

– Предпочтения из мира книг?
– Созаюса: раньше больше читал. Я и библиотекарем был во время службы на флоте. Из нынешних приоритетов – Виктор Астафьев: как он за душу берет! Ездил на гастроли в Новосибирск, купил его книгу – за сутки прочел...

– Неисполнившаяся мечта детства?
– Жалею, что не начал заниматься музыкой в пять-семь лет. Все остальное сбылось. Моряком был. В медицинском институте учился. Хотел научиться петь и стать оперным певцом. Стал. Хотел найти человека, единственного, с кем буду всю жизнь. Нашел жену Наташу. Вот на велосипеде не умею. Но могу еще научиться!

– Место, где вы наиболее адекватны самому себе?
– Дома, на даче. Я не знал, что, оказывается, все умею. Если не умею – учусь. Мне это интересно: строю, строю, кровати делаю, столы. Вот лавку в баню надо сделать. Шпифую стены, шпателью забиваю щели. Мне так интересно это. Не меньше, чем петь. В этой работе я отдыхаю: мне как мужику, видимо, не хватает физического труда. Дрова колоть, пилить. Самое главное, чтоб желание было, всему можно научиться.

– Дочь – певица, а есть у вас коронный дуэтный номер? Хотя бы в домашнем застолье?
– У нас жанры разные. Она джаз поет, англоязычные тексты – запеть нам дуэтом сложно.

– Нелюбимая работа по дому?
– Нет такой. Я все люблю и умею. Но жена мне, например, не дает посуду мыть. Говорит: «Плохо моешь». Зато я готовлю.

– Сложная партия, драматический образ... По окончании спектакля за какое время выходите из образа?
– За кулисы вышел – и всё. Кто и на поклонах не может выйти из образа – это уж патология (смеется).